

ОБЕТ

МАРИЯ СВЕШНИКОВА
Журналист, специализируется на культурной и социальной тематиках. Автор нескольких книг: исследования нескольких поколений священниче-

ских семей «Поповичи», сборника рецептов соусов и десертов «Соусы Манюшес». И повести «Дневник неопита: исповедь новичка», опубликованной под псевдонимом Манюшес.

Кто-то постучал в окно твердой рукой. От неожиданности Валентина подскочила и рванула посмотреть на гостя. И только сделав несколько шагов, вспомнила, что последние годы не живет «на земле» и что, скорее всего, это под порывом ветра дрогнули ветки ближайшего дерева.

Так оно и было.

«До меня доросло-дотянулось», – подумала Валентина, выглянув на улицу, где шквальный ветер гнул деревья в разные стороны, рвал в клочья ветки, попутно приворывывая с балконов сохнущую на веревках одежду. Скатав из добычи причудливые фигуры, он что есть мочи пинал их по земле, гонял по воздуху.

«Пришли грозы с угрозами. Рановато для вальпургиевой ночи», – прошептала она в окно, стараясь сосредоточиться на загогулинах от стекавших по стеклу ручейков. Провела по следу пальцем. И по следующему. Ей удалось ненадолго отвлечься, но главная, вернее единственная мысль последних недель быстро вернулась. «Сына надо спасать».

Она ушла вглубь комнаты. Там у стола стоял одинокий стул, зато прикрытый настоящим домотканым ковриком. Сев, привычно провела рукой по столешнице, ощупывая – не осталось ли крошек на развод тараканов.

Тараканов у нее отродясь не водилось, но привычка проверять поверхности появилась во время

жизни в студенческом общежитии при театральном институте. Там Валентина стала обладательницей совершенно ненужного ей знания, что в мире существует семь с половиной тысяч тараканьих видов. Столько в общежитии не развели, но увиденного разнообразия хватило на всю жизнь.

О том, что она станет актрисой, Валентина знала с восьми лет. Вместе с ней это знали мама, папа, бабушка, крестные и все жители ее родного города. Однажды она увидела в телевизоре Людмилу Гурченко, которая рассказывала, как в шесть лет пела и танцевала перед оккупантами за еду. И что, окончив школу, поехала в Москву поступать во ВГИК, чтобы отточить эти умения. Тут же, безо всякого перехода, актриса продемонстрировала свои таланты.

Сама того не ведая, Людмила Марковна в мгновение ока определила судьбу Валентины. Что значит оккупанты, девочка не знала, но по интонациям актрисы догадалась: слово не очень хорошее, значит, его можно сразу выкинуть из головы (так она поступала со всей ненужной информацией). А вот название места, куда нужно попасть, чтобы походить на Гурченко, требовалось сохранить в памяти.

Валентина повернулась к бабушке:
– Хочу ВГИК!

- Во ВГИК. Правильно говорить: хочу поступить во ВГИК, – нимало не смущаясь нелепости детского плана, поправила ее бабушка.
- Хорошо. Во ВГИК. Чтобы стать актрисой, я хочу поступить во ВГИК.

В оставшиеся до выпускного девять школьных лет, куда бы Валентина ни приходила, она первым делом сообщала, что поступит во ВГИК. Если слушатель ограничивался кивком, умолкала, а если начинали расспрашивать, охотно отвечала, что это такое место в Москве, где девочек превращают в актрис, похожих на Гурченко.

С ней никто не спорил. Одним были безразличны ее мечты, другие, предпочитая не расстраивать ребенка, не рвались доказывать абсурдность замысла. Третьи же, видя упорство девочки, думали – чем черт не шутит. Недурна собой, музыкальна, голос хоть и негромкий, но не противный. Глядишь, и впрямь актрисой станет.

Попасть во ВГИК оказалось на редкость просто и сложно одновременно. В первый год Валентина не поступила. На самом деле она и не думала поступать. Абсолютно уверенная, что преподаватели начнут ее переделывать в Гурченко, как только увидят перед собой необычайно одаренную девушку, она приехала в Москву к началу занятий, то есть к 1 сентября. И страшно удивилась, когда охранник не позволил ей зайти внутрь. Потом, правда, сжалился и подсказал с начала весны следить, когда начнутся прослушивания будущих актеров. И готовиться к ним.

Домой возвращаться – только позориться. Да и осмотреться показалось излишним, знакомства среди звезд завести, поэтому Валентина, с подсказки того же охранника, устроилась работать в буфет столичного театра. Но сколько она ни высматривала, ни одного артиста, особенно звезды, не заметила.

Не выдержав, пожаловалась напарнице на неудачу.

- Так у них свой буфет. Вернее, столовая. Внутри. Ты, что ли, не видела за костюмерными, сбоку от малого зала, узкий коридорчик? Пройдешь его насквозь, и ты на месте.

Так Валентина узнала, что буквально в нескольких метрах от буфета для зрителей мимо протекает совсем другая жизнь.

В столовую приходили и рабочие сцены, и режиссеры. Некоторые забегали по два раза, кто-то брал еду на ужин.

Валентина проводила в столовой все свободное время. Сначала ее не замечали. Привыкнув,

стали улыбаться, останавливались поболтать. И она продолжала сидеть часами с чашкой чая или кипятка, если на пакетик заварки не хватало денег.

Вскоре она поняла, что чаще других возле нее задерживается среднего возраста мужчина невинной внешности. Она бы на него внимания не обратила, но однажды услышала, как перед ним лебезит актриса.

Валентина была девушкой сообразительной и догадалась, во-первых, выяснить, что это худрук театра, и во-вторых, просчитать выгоду от его ухаживаний.

В марте они с Андреем поженились, а в августе Валентина сообщила родителям, что она, как и планировала, поступила во ВГИК. О муже, его должности в театре и участии в поступлении она не то чтобы умолчала, просто забыла.

Учиться оказалось трудно. К заданному Гурченко эталону она не шла, скорее ползла по-пластунски. К тому, что студенты не умели правильно двигаться и говорить, преподаватели оказались готовы – тому и учили. От остальных студентов Валентина отличалась отсутствием насмотренности и начитанности, поскольку она никогда не смотрела серьезных фильмов, считая их скучными, а от открытой книги ее клонило в сон.

Так что в институте Валентине приходилось не только учиться наравне со всеми, но и догонять других. Не раз она думала сдать и забрать документы, но продолжала учиться из чистого упрямства и по вредности характера. Тем более что преподаватели не выгоняли, терпели ее.

Муж помогать отказался. Его не прельщал удел Пигмалиона, да и его Галатее не хватало не только лоска. За богато одаренной внешностью жены Андрей не сразу разглядел неприятельность ее внутреннего мира. Заметив же, вместо того чтобы помочь и направить, отстранился во всем, кроме секса. И даже спать перебрался в другую комнату.

За окном снова раздавался жесткий стук. Не обращая на него внимания, Валентина двинулась на кухню. Скучно осмотрев полку с чаем, вздохнула и полезла за штопором. От этого простого действия свет на кухне стал ярче, а жизнь интереснее. Налив треть стакана, она вернулась в комнату.

До диплома Валентина не доучилась, поскольку забеременела, хотя они с Андреем оба предохранялись. Она ходила на занятия до последнего и все же не успела: в день, когда однокурсники

Вспомнив, что она – актриса и наследница великой Гурченко, Валентина разыграла сцену радости, хотя в голове до шума в ушах билась тревога – как уговорить бабушку сидеть с правнуком дольше запланированного.

готовились к первой читке дипломного спектакля, скорая увезла ее в роддом.

Несмотря на то что роды прошли быстро, а новорожденный мальчик и мама чувствовали себя хорошо, Валентина не нашла в себе сил сразу выйти на сцену. Пришлось оформлять академ, а потом и вовсе забрать документы: в недрах театральной столовой Андрей обнаружил новую буфетчицу, мечтающую стать актрисой, и сообщил, что планирует привести ее домой.

Валентина выслушала новость и не заплакала – ее кумиру это вряд ли понравилось бы. Слезы Людмила Марковна проливали только в кадре – искусственные, считая, что по-настоящему горевать надо дома, когда никто не видит. На горевать времени не было.

Валентина вернулась на малую родину. Ребенка отнесла бабушке, а документы – в местный театральный вуз. Бабушка не слишком обрадовалась перспективе оказаться в няньках: ее жизнь без правнука была и интересной, и интенсивной. Тем не менее она согласилась присмотреть за «мальчишкой» на время дипломного спектакля.

Театральные преподаватели обрадовались еще меньше и оказались куда несговорчивее, чем бабуля. Скучно глянув на ее документы, сахарно-вежливый декан предложил Валентине восстановление с потерей года.

Выбора не было. Вспомнив, что она – актриса и наследница великой Гурченко, Валентина ра-

зыграла сцену радости, хотя в голове до шума в ушах билась тревога – как уговорить бабушку сидеть с правнуком дольше запланированного.

Согласие Валентина получила неожиданно легко. Правда, с условием найти отдельное жилье. Бабушка не хотела, чтобы ее критиковали за то, чем она кормит малыша, во что одевает и как с ним общается. Либо она делает все по-своему, либо готова вернуть «дитя прямшаз». Сказала и ухмыльнулась в удивленное лицо внучки. Дескать, какие наши годы, мы еще и не на такое способны.

Снова начав учиться, Валентина практически перестала видеть сына: она бесконечно что-то смотрела, читала, репетировала, а квартиру нашла на другом конце города. Но приезжать старалась всегда с подарками и оставалась поиграть с подрастающим ребенком, хотя, что скрывать, это оказалось ужасно скучно. В институте было куда интереснее: там назревал роман с художественным руководителем курса, о неприступности которого постоянно ходили слухи.

Валентина усмехнулась мыслям и сделала глоток. Вино оставило на языке приятную терпкость, похожую на воспоминания о том времени.

В последнем семестре роман таки приключился, поэтому никого не удивило, что Валентина получила роль Софьи Фамусовой в «Горе от ума» в дипломном спектакле. А после него – приглашение в труппу Драматического театра города.

Она переехала в центр, где у мастера был шикарный по местным меркам коттедж в два этажа. На первом гостиная, кабинет хозяина и кухня, на втором три комнаты. «Самое время забрать сына», – думала Валентина, с содроганием оттягивая момент, насколько возможно. Собравшись, поехала.

Сын устроил истерику. Она привыкла к его радостной улыбке при каждой встрече и не подозревала, что он может так долго и отвратительно визжать. «Не хочу уезжать с тетей! Не хочу на машину! Не хочу большую комнату! Хочуuuuuuu... ки».

С огромным трудом Валентина разобрала, что он хочет жить у бабушки. Растерянно посмотрела на нее.

– Оставляй, – вздохнула та. – Только приезжай почаще, иначе забудет и проблем не оберешься.

Валентина стремительно поднялась с колен и, поклявшись быть часто, позорно сбежала. Придушив легкое расстройство и жалость к себе в зародыше, она порадовалась свободе: можно погрузиться в искусство.

Погружение вышло не сразу. Пришлось переждать и перетерпеть пересуды, неприязнь, отсутствие даже небольших ролей из разряда «кушать подано» и каверзы старожилов.

Муж поддерживал, объяснял, наставлял, выводил в свет. Она покорно ходила, но после столичных приемов тихонько посмеивалась над усилиями местной знати казаться важной и респектабельной.

Мужу она во всем доверяла и рассказывала все-все, кроме одного: о сыне Валентина сказать не могла. Не боялась или волновалась, просто не могла. И навещала их с бабушкой крайне редко, одновременно боясь очередной истерики и не понимая, как объяснить мужу, откуда взялся раздраженный мальчик. Через некоторое время одна за другой пошли роли, и Валентине стало не до ребенка или старушки. Она как-то не сомневалась – им живется замечательно.

С ролями пришли панические атаки. Начались они после того, как во время репетиции «Грозы» ее, игравшую Катерину, кто-то толкнул с «обрыва». Хорошо, что внизу лежали маты, иначе Валентина навечно осталась бы калекой.

Через неделю она ждала своего выхода на сцену, в этот момент кто-то сзади прошептал: «Ты сейчас обосрешься». Прошептал и исчез. Она не подала виду, что услышала, не позволила смеяться над собой, потому что внутри нее перед оккупантами пела и плясала Люся Гурченко. Но панические атаки появились. И Валентина обнаружила отличное средство для снятия атак – алкоголь.

Она отправилась на кухню, чтобы долить стакан, и обнаружила, что вина в бутылке осталось на доньшке. Значит, пора заканчивать с воспоминаниями: без поддержки красного картина выходила неприглядной.

Четыре года назад бабушка умерла. Валентина не была на похоронах, ей о них никто не сообщил: в бабушкином мобильнике ее номер был сохранен под инициалами. Никому и в голову не пришло, что так можно обозначить единственную внучку.

Узнала она, случайно увидев сына в торговом центре: он стоял у входа в зал букмекерской конторы и жалобно умолял охранника пропустить. Увидев ее, обрадовался:

– Доброго времени суток, тетя! Давненько вас не было видно. Бабуля помереть успела, – ядовито пропел он, с явным удовольствием наблюдая, как Валентина бледнеет от ужаса и горя.

Сын оказался похож на нее, по крайней мере смекалкой. Просчитав выгоду, он мгновенно изменил выражение лица на сочувственное и произнес скользко-услужливым голосом:

– Денег не одолжите ли? Зарплату я на похороны потратил, до следующей еще неделя, а мне даже хлеба не на что купить. Голодаю, вот и решил попытать счастья.

Денег Валентина дала, а к ним бумажку с адресом, приглашая заходить «в любое время». За эту минутную слабость и годы игнора сына и бабушки она расплатилась сполна, узнав, что сын нигде не работает и не учится. И что любые деньги оставляет у букмекеров, делая ставки на все подряд: от состязаний в стрельбе из лука до угадывания, какая команда выиграет в финале КВН.

И хотя память подло подсовывала следующие годы один за другим, остальные воспоминания Валентина засунула в самый дальний и пыльный уголок сознания, предварительно скомкав их. Если ничего изменить нельзя, какой смысл в сотый раз вспоминать безобразные истерики сына или холодный, короткий разговор с мужем, после которого она стала обладательницей новенького развода и жилья на окраине.

Она поселилась в свежестроенной пятиэтажке, в «однушке» на третьем этаже, главные роли внезапно кончились, зато сын продолжал появляться с завидной постоянностью два раза в месяц – в аванс и получку.

Она пыталась разговаривать. Ее доводы он парировал бесконечным повторением мантры: «Последнее время я был в проигрыше. Значит, скоро обязательно выиграю и все верну». Уговаривала пойти к психологу, лечь в больницу, предлагала пройти реабилитационную программу. В обмен на деньги он соглашался на все. Взяв, исчезал до следующей зарплаты.

Валентина попробовала молиться. Это оказалось скучно и мутно. Бросив, ощутила облегчение. Съездила к красивой женщине с неприятными глазами за заговором и после проведения обряда заметила, что из дома начали пропадать вещи. В полицию она не обращалась, догадавшись, что сын каким-то образом сделал дубликат ключей. Сменила замок.

«Может, дать обет?» Мысль была странной, диковатой. Мелькнув, она вроде и ушла, но не отпускала, томительно присутствуя на задворках сознания. Валентина не была религиозна, она не особо верила в чудеса, которые совершаются по

прихоти некоего божества, но ее душа и тело требовали действий.

Снова подошла к окну. Ветер утих, но дождь сменил снег. «Будет гололедица», – машинально отметила Валентина. «Хорошо, положим, обет. Но на сколько отказываться? Навсегда – это уж слишком. Может, на неделю, максимум две? И от чего? Так, чтобы ощутимо и переносимо одновременно?» – думала она, пришептывая.

Тоскливо огляделась. Можно было перестать надевать украшения, но она и без того практически ничего не носила. Не покупать одежду тоже не подойдет, она давно не следит за модными тенденциями. Сладкое Валентина не любила, театральные премьеры давно не посещала. Попробовать заняться спортом? Она вздрогнула, представив себя в зале фитнеса. Перестать есть колбасу? Жертва показалась чрезмерной.

Посмотрев вокруг, Валентина заметила пустой бокал.

Мысль не пить она отмела, даже не начав ее думать. Во-первых, как скоротать вечер без единственного удовольствия? Во-вторых, она и не пьет вовсе: пара бокалов вина на ужин – слишком мало, чтобы от них отказываться. Если перестать пить, есть колбасу и смотреть телевизор, тогда можно завернуться в белую простыню и ползти в сторону кладбища, как советовал поступать школьный военрук, если случится ядерный взрыв. И сколько не пить? Два-три дня в неделю? Максимум четыре.

Пожалуй, оставлю как есть, подумала Валентина, хотя внутренний голос зудел – выбор очевиден. И услужливо подсказал, что стоит пойти в церковь – обсудить этот вопрос со священником.

«А если не выдержу?» Открыв поисковик, облегченно выдохнула. Оказывается, хитромудрая церковь предусмотрела подобное и заранее предупредила, что простит. Надо только прийти в храм и попросить священника прочесть тебе молитву из специального молитвенника. И все, договор с Богом разорван.

Официальное разрешение нарушить обещание взбодрило, так что Валентина еще долго не могла уснуть, хотя и договорилась сама с собой утром отправиться в храм.

Проснулась она от ломоты во всех частях невыспавшегося тела и некоторое время уговаривала себя перенести встречу. Тем более что в церкви ее никто не ждал. Победу одержали все те же вредность и упрямство. Пошла.

За ночь снег с дождем образовали каток. По скользкому нечищеному, местами присыпанному песком льду она перемещалась уточкой. С трудом, но добрела. Центральная площадь хранила следы попыток каждого следующего мэра придать ей современный вид.

Слева высился остов недостроенного скалодрома для подростков, по центру в псевдостаринном особняке нарумяненные девушки предлагали кофе, сваренный «по старинной русской технологии в самоваре». И во всю стену древней крепости тускнело электронное табло – подарок городу последнего градоначальника. Лишь однажды на нем зажглась надпись «Россия – великая наша страна», но через пять минут под хохот заметившей опечатку толпы пропала навсегда.

Перемены не коснулись только единственного в городе подземного перехода. Сколько себя помнила Валентина, возле лестницы мужик, сдвинув несколько ящиков, торговал салом «на вес», рядом вечная старушка разложила вязаные цветы – символ любовной тоски, которую хорошо бы заткнуть за плюшевый коврик с мишками. Коврика Валентина не имела, но пообещала себе, как обычно, на обратном пути купить букетик из крашеного удушливого поролона. Дальше торговали «импортом», предлагая примерить «пряма здесь, а я вас полотенчиком загорожу».

Вышла наверх с другой стороны. У ворот церкви вечная нищенка неумело дергала коляску, второй рукой она неловко прижимала к себе плотно увязанный куль, символизирующий младенца, с пришпиленной к нему бумажкой с печатью – будто бы выписку из его истории тяжелой болезни. И здоровый малыш давно задохнулся бы от тряски в этом тряпье.

А чуть в стороне толпа: два мужика жуликоватого вида предлагают поддержать белых голубей. Толпа восторженно ахает, ухает вместе с ошалевшими птицами. Взял голубя в руки – плати. Но, кажется, никто не сердится на эту уловку. Тут же суетился остроглазый паренек. «Карманник, наверное». Валентина немного воспрянула от мысли, что это не ее сын.

В церкви батюшка внимательно смотрел на нее, но, кажется, не слушал, а припоминал, где мог ее видеть. На всякий случай Валентина не стала представляться: может, он приятель ее бывшего мужа и они потом станут обсуждать, как она приходила.

Батюшка, как оказалось, слушал:

– Вы все правильно сделали. Не пить, даже такую малость, – очень хорошее решение. Я не гадал-

ка, предсказать, что от этого ваш сын перестанет делать ставки, не могу, но польза от жертвы Богу бывает всегда.

Втайне надевшаяся, что священник высмеет ее замысел, Валентина понурилась.

- Сколько?
- Нисколько не пить, ни капли.
- Я имею в виду, сколько времени.
- Знаете, – через паузу ответил священник, – через десять дней начнется Великий пост – это прекрасный повод выполнить задуманное. И хорошо бы попоститься одновременно... – Встретив ее полный ужаса взгляд, засмеялся: – Ладно, ладно! Я все понял. Читайте, ничего не говорил, хотя и неправильно это.

Он встал, и Валентина поняла – время аудиенции вышло. Машинально стала искать в сумке очки, но ей все время попадался паспорт. Выудила из карманов рекламку пирожков и комочки чеков. Зачем-то достала и вновь убрала кошелек. Она не знала, нужно ли давать деньги за консультацию и сколько.

- Если будет невоготу, приходите.
- Оказывается, он все это время стоял рядом.
- Невоготу?
- Она почему-то не ожидала такого слова.
- Ну да. Вдруг тяжело станет. Или просто приходите.

Батюшка помахал в воздухе рукой над ее головой и ушел. «Перекрестил, – догадалась Валентина. – Теперь уж точно придется выполнять обещанное».

О своем решении не пить Валентина рассказала единственному приятелю, с которым они суботними вечерами ходили в кино, прихватив бутылку и пару стаканчиков. Он засмеялся не зло, но ехидно:

- Так ты теперь собираешься трезво оценивать современный кинематограф?
- Придется, видимо, в кино не ходить, – расстроилась Валентина.
- Глупости какие, – парировал Игорь. – Что-нибудь придумаем.

В Чистый понедельник Валентина пошла на прогон единственного спектакля, где у нее оставалась небольшая роль. Она почему-то никогда не задумывалась, что это забавное сочетание слов означает начало Великого поста, но диктор в телевизоре просветил.

Пока он рассказывал, Валентина вспомнила про обет и загрустила. В сильной тоске она посмотрела на нижнюю полку буфета, где стояло пять

бутылок вина, купленных по причине распродажи. «И что, теперь ждать Пасхи, чтобы выпить их?» Тоска разрасталась на глазах.

Понурившись, Валентина открыла холодильник, чтобы достать куриное филе и салат на ужин, и вдруг заметила на дверце заткнутую салфеткой бутылку темного стекла, жидкости в которой плескалось на две трети. «Этого мне хватит на два дня! Открытым оно до Пасхи не доживет, не выливать же. Хороший продукт грех разбазаривать».

Ужин враз приобрел яркие оттенки, так что даже отсутствие новинок в телепрограмме не огорчило. Она как могла растягивала удовольствие, отпивая маленькими глоточками. Некстати мобильник начал издавать призывные звуки:

- Как пост? Вернее, обет?
- Надоело поститься, – попыталась отшутиться Валентина. Но, решив быть честной, призналась: – Допиваю оставшееся.
- Игорь засмеялся:
- Мать, ты прямо как Алан Маршалл, когда он бросал курить. Погугли, у тебя теперь полно времени. Целоваю тебя, – бросил он и, как обычно, дал отбой, не дожидаясь ее реакции.

Утром вторника Валентина нехотя набрала «Алан» и «Маршалл». В ответ на запрос ей выпало, что этот австралийский писатель считался гуманистом и социальным документалистом. Добытая информация к чтению не располагала, однако дальше было написано, что, пережив в шесть лет полиомиелит, Маршалл навсегда остался инвалидом, но не сломался.

Открыла первый попавшийся сборник рассказов и через минуту начала улыбаться. Так и улыбалась полдня, пока не дошла до рассказа «Я бросил курить».

«В прошлый понедельник в моей жизни произошло великое событие: я бросил курить.

- Джордж, – сказал я, – либо жена, либо курево должны уйти из моей жизни. Я не могу позволить себе то и другое.
- Твоей жене будет нелегко, – сказал Джордж, – но я не осуждаю тебя. Когда же она уходит?
- Она остается, – ответил я мрачно. – Я бросил курить... Представляешь, с июля месяца я не покупал сигарет!
- Ну так стрельни у меня, – сказал Джордж и открыл портсигар.

Я взял одну и закурил...»

Дальше главный герой выкуривал последнюю сигарету с Фредом, безмянным другом и снова

с Джорджем. Он занял пару штук у жены и принялся за подарки матери, отца, тети Мейбл, шефа, испытывая чувство за выполнение принятого решения.

Намек друга Валентина поняла, но это ее не остановило, и во вторник она опустошила бутылку. Теперь отступать было некуда – от обета не отвертеться.

Вечер среды получился грустным. Запитый водой ужин Валентина съела за семь минут. Дальше делать было нечего. Вопросительно посмотрела на выключенный телевизор, он ничего не ответил, намекая включить.

Раньше она бы достала кусочек сыра и под хорошее кино грызла его с вином. Или болтала с Игорем, не забывая подливать в бокал. Жевать пустой сыр было неинтересно, разговаривать не хотелось. Что хуже, она постоянно думала о пустой рюмке.

«Может, я все же алкоголик?» – грустно подумала Валентина, но мысль эту отвергла: не бывает алкоголиков от стакана вина в день.

Прошел день, другой, неделя. И хотя она каждый вечер вспоминала о невыпитом бокале и корила себя за решение, обет Валентина держала и к бабушке за разрешением от него не ходила.

А Игорь оказался не только хорошим другом, он прекрасно справлялся с ролью «команды болельщиков», каждый день спрашивая, как идут дела, и подбадривая ее забавными историями.

Но больше всего Валентину поразило, что на самом деле она очень легко жила «на трезвую голову». Лучше ей не стало, ни спокойнее или радостнее, но и не хуже. Поэтому Игорю она каждый раз честно отвечала, что у нее все хорошо.

Через две недели он не выдержал:

- Мать, что-то ты подозрительно блаженная. Все у тебя хорошо, а не пить – просто.
- Так я не вру. Мне действительно легко дается эта затея. Я думала, что быстро сломаюсь и буду жить как жила, но нет. То есть я бы с удовольствием выпила с тобой или бросила «вотэтовсе», но пока могу – не пью. Я только не могу понять смысла. Зачем я это делаю? В моей жизни ничего не изменилось. В жизни сына тоже. Он как приходил раньше в день аванса, так снова пришел. И опять придет – в получку. И тогда – зачем?

Ответа у Игоря не было, поэтому он перевел разговор на кино, напомнив, что скоро суббота.

- Тебе куплю безалкогольного вина.

- Не надо. Это какое-то лукавство с самой собой выходит. Если уж пить вино, то хорошее. А я не пью.

Он фыркнул, но как-то уважительно. С тем и попрощались.

В субботний вечер в торговом центре было немногочленно. А возле касс кинотеатра и того меньше: с тех пор как появилась возможность любые премьеры смотреть в сети, куда-то ушла традиция проводить выходные в кино. Валентина в сети не любила.

Когда кто-то рассказывал, что скачал кино у «пиратов», она представляла себе, как на ее спектакль зрители пробираются тайком, не заплатив за билет. И ей нравилось смотреть на большом экране, чтобы ни одна деталь не ускользнула. Как детали можно было заметить в мобильнике или в телевизоре, она не представляла.

Поджидая друга, Валентина по обыкновению изучала афиши, анонсирующие ближайшие премьеры, поэтому пропустила момент, когда сзади подкрался сын: букмекерский офис находился в соседнем помещении с кинозалом.

Он прекрасно чувствовал ее настроение и мгновенно подстраивался под него. Но сегодня не угадал, приняв задумчивость за слабость, поэтому практически безо всякого вступления перешел «к делу» и потребовал денег.

- Не дам.

– Тогда я завтра зайду.

- Ни завтра, никогда больше. То есть заходи, буду рада тебя видеть, скучаю. Но денег больше не дам.

Валентина слушала свой голос – он казался ей чужим. Будто внутри, в ее теле, поселился незнакомец, произносивший свой текст ее ртом. Незнакомыми казались и слова – она такое никогда не сказала бы, не сумела.

Сын тоже повел себя неожиданно. Он стал говорить гадости. Интуитивно находя болевые точки, он бил по ним шквальным огнем. Припомнил ее поступление и устройство в театр «через постель», что она бросила младенца-сына, то есть его, на нищую старуху, а сама жировала. Валентина и слушала, и не очень, ее больше занимало, как это ему удалось так быстро стать похожим на злобного Готмога – первого балрога армии злодеев из фильма «Властелин колец».

Внезапно Валентина увидела стремительно, будто скачками приближающегося Игоря. Он молча взял ее за руку и повел к фуд-кору выбирать еду.

Есть не хотелось, хотелось плакать и жалеть себя. Валентине было ужасно горько, больно и стыдно перед сыном (по ее вине ставшим нечеловеком) и перед наблюдавшими за ними людьми, которых она никогда не видела и, возможно, не увидит. Она украдкой огляделась и поняла, что вокруг никого не было. Оказывается, только в ее сознании безобразная сцена привлекла толпу зевак: отсутствие зрителей в кинотеатре неожиданно стало ее спасением.

- Я бы, пожалуй, выпила чего-нибудь.
- А давай завтра к художникам съездим и ты у них что-нибудь красивое купишь? – предложил Игорь.

Она вздохнула как можно жалостливее (искусством выражать страдания она овладела идеально), потянулась за морсом и – согласилась.

Вернувшись домой, Валентина никак не могла угнеститься в постели. Повернувшись в семьдесят восьмой раз, включила мобильник, чтобы проверить – не полнолуние ли. Она всегда плохо спала в эти дни. Полнолуние прошло неделю назад. Однако глаза чесались, как будто в них насыпали песка, а во рту стоял противный металлический привкус. Так бывало при незакрытом гештальте.

Перебирая события дня, вспомнила встречу с сыном и догадалась: не спится из-за него.

Может, к батюшке пойти, он же предложил приходить. Говорят, священники помогают.

Вытащив руку из-под одеяла, Валентина, не глядя, завела ее за голову. Туда, где на тумбочке лежал мобильник. Набрала на нем будильник, чтобы не проспать. С ощущением выполненной миссии она ждала благословенного сна. Будто насмехаясь, сон повис в сантиметре от ее головы и наблюдал, как тает ее решимость пойти в церковь.

«Все равно пойду, даже если часа четыре посплю», – попыталась застрашать свой организм Валентина. Организм страшилку проигнорировал. Когда до звонка оставалось тридцать четыре минуты, она сдалась и выключила будильник. И сразу заснула.

Последние две недели поста дались тяжело. И хотя она привыкла обходиться за ужином водой с лимоном или яблочным соком, существовать в таком формате было откровенно скучно. И неприятно от того, что в жизни сына ничего не изменилось, несмотря на ее старания.

Но пожаловаться было не на что. Да и некому, несмотря на то что болельщик по-прежнему ежедневно интересовался ее состоянием. Игорю Ва-

лентина неизменно отвечала «все хорошо», иногда добавляя, что удивляется, насколько легко ей удастся держать слово.

- Что-то тебе все легко да хорошо. Святая прям.

Услышав неприязнь, Валентина замерла, но, поразмыслив, подумала, что ей показалось, и решила не париться, тем более что других друзей у нее не было. Задумавшись, как вышло, что в ее жизни никого нет, Валентина неожиданно осознала, что после гадкой сцены в торговом центре сына она не видела.

Она не могла понять, плохо это или хорошо. На всякий случай договорилась с собой, что хорошо: как минимум деньги целы.

На радостях решила пойти на Пасху в храм. Продумала накануне наряд, чтобы побольше красного и блестящего – праздник же. За час до Крестного хода оделась, накрасилась – благо идти до храма минут двадцать медленным шагом. Присела на любимый стул и через мгновение вскочила. Не глядя в зеркало, сняла красное платье, смыла макияж и, надев старую длинную майку, принялась накрывать на стол.

В полночь все было готово. Под звон колоколов Валентина открыла долгожданную бутылку. Сделав первый глоток, чуть не заплакала: вино оказалось поддельным. По вкусу оно напоминало мокрый кусок картона. От неожиданности заломило в загривке. Подождала. Пересилив себя, отпила еще и облегченно выдохнула. Показалось! Наверное, забыла дать ему подышать. Или отвыкла от вкуса.

Валентина позволила себе выпить больше обычного – праздник же. Нельзя сказать, что ей стало плохо от чрезмерной дозы, но и теплое, уютное добродушное состояние тоже не пришло. Было скорее тоскливо и зудяще жаль, что она не пошла в церковь, но переиграть эту сцену оказалось невозможно – второго дубля Бог не предоставил. Если честно, и не хотелось.

А в понедельник, следующий за Пасхой, случилась беда. После репетиции секретарша хударка шепнула, что на прошлой неделе обсуждались планы на новый сезон, и, как она слышала, Валентину решили заменить.

Это была подстава от Бога: оказывается, зря она почти два месяца во всем себе отказывала. Может, и не во всем, но в главной радости точно.

- Я хорошая актриса. И ни в чем не виновата! И что мне теперь делать, ЧТО? Как жить? – отчаянно и зло кричала Валентина, бегая по комнате и пиная стены ногами.

В очередной раз стукнув, услышала тихий звон. Оглянулась – ничего. Она пнула стену снова, звон повторился, но будто вдалеке.

Она вышла на кухню. Возле недопитой бутылки на столе лежал опрокинувшийся от стенотрясения хрустальный стакан. Прикасаясь боком к бутылке, он жалобно позвякивал.

Горько осела:

– За что, Господи? Я же выполнила условия игры!

Бог ничего не ответил, поэтому Валентина решила сходить к священнику. Пусть он рассудит.

Батюшка будто светился. «У него праздник же, – подумала Валентина и удивилась своим мыслям. – Почему у него, а не у нас? У меня разве нет праздника?»

– Христос воскрес! – громко и по-детски радостно воскликнул священник.

– Спасибо большое. И вас с праздником! – Она достала из заначки самые умильные интонации.

Он улыбнулся, и Валентина легко рассказала ему все-все. Про обоих мужей, сына, бабушку, невыполненное обещание заботиться о сыне, театр. Но главное – про обет – жертву, которую Бог не оценил.

– А вы чего ждали? Что через семь недель сын придет домой и попросит прощения, что муж вернется, а в театре все лучшие роли отдадут вам?

– Вы так говорите, будто мои усилия недостойны награды.

– То есть товарообмен: вы Богу пару бутылок, а Он вам – полную корзину подарков? Вы разве ради этого давали обет? А вы знаете, что, когда просишь у Бога чего-нибудь, надо всегда добавлять «если на это будет Твоя воля». А какая она была в вашем случае, ни вы, ни я не знаем. Но вы не расстраивайтесь, и дать обет, и исполнить его – это очень хорошо и полезно.

Валентина смешалась. У нее было странное чувство, что ее одновременно и похвалили, и поругали. Батюшка тем временем продолжил:

– Как я понял, вы мечтали об освобождении сына от лудомании. А сейчас, когда он перестал к вам приходить за деньгами, вы поинтересовались, как он живет? Может, он освободился от своей зависимости или, наоборот, она его окончательно погубила?

Валентина возвращалась домой по тропинке желания – срезав дворами пару шумных улиц, потому что так было короче и удобнее. И потому, что ей очень нравилось, что она вроде как идет напрямик, а по-ученому это называется красивым названием «тропинка желания».

Почему-то только сейчас, проходя задворками мимо помойки, устроенной в выщербленном, давно неработающем фонтане, она неожиданно поняла, что наступил ее самый любимый момент в весне, когда всё в изумрудной дымке едва проклюнувшихся листьев. Когда кажется, будто новенький, свежий, весенний дух поселился на всей планете. С возрастом листья огрубеют, и все забудется, но эти дни Валентина всегда ощущала как полное счастье.

Через десять дней сын снова пришел просить денег. Значит, жив. Затаившись в комнате, она не открыла ему. Что делать дальше, решить не могла.

В театре скоро выяснилось, что секретаршу уволили за лживые сплетни.

В храм Валентина больше не ходила.

